

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-640-649

УДК 316.77.001

О ЛИЧНОСТНОМ ЗНАНИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ (К СТОЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ЯКОВА АЛЕКСЕЕВИЧА ЛОМКО)

И.И. Волкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена профессору кафедры массовых коммуникаций РУДН Якову Алексеевичу Ломко, выдающемуся педагогу и общественному деятелю, журналисту, руководителю редакционных коллективов, ветерану войны, ровеснику Октябрьской революции. Это попытка написать о неординарном человеке в контексте теории личностного знания. Автор использует методы ретроспекции и глубинного интервью.

Ключевые слова: Яков Ломко, пропаганда, газета «Московские новости», Совинформбюро, ЭКСПО-58, РУДН, международная журналистика, преподавание в вузе

В 1935 году английский физик и философ Майкл Полани посетил СССР, чтобы предостеречь советских академиков от централизованного управления научными исследованиями. Якову Ломко в то время было 18 лет. Они не встретились ни тогда, ни потом. Хотя, на самом деле, биография Якова Алексеевича изобилует столь невероятными событиями, что личное знакомство с Полани вполне могло случиться. Впоследствии именно профессор Ломко наиболее ярко и впечатляюще воплотил в собственной научной биографии поланиевскую теорию личностного знания [4]. Главный постулат этой теории — неформализуемость науки, ее несводимость к количественным результатам. К сожалению, сегодняшняя ситуация в высшей школе, когда ценность преподавателя определяется индексом Хирша и числом публикаций в изданиях, рекомендованных теми или иными структурами, не вселяет оптимизма.

Уникальным личностям для признания не нужны верительные грамоты. Такие преподаватели, как Ломко, не вписываются в стандарты и правила. Их биография, успехи в профессии, достижения в науке, участие в общественной жизни и истории государства представляют собой особый случай. Яков Алексеевич Ломко почти 30 лет преподает дисциплину «Международная журналистика в эпоху глобализации», «Журналистское мастерство», «Внешняя политика и международная журналистика». Его авторские курсы невозможно без потерь уложить в клише Учебно-методического комплекса, потому что через осмысление основ массовых коммуникаций он дает студентам гораздо больше, чем можно себе представить или систематизировать. Жизнь Якова Алексеевича достойна отдельного многостраничного описания; в формате данной статьи покажем лишь несколько эпи-

зодов его биографии, отметим истоки и моменты формирования личностного знания.

Личностное знание, согласно теории Полани, это не только совокупность каких-либо утверждений, но и *переживание* индивида. Знания столетнего преподавателя, не просто свидетеля, а активного участника истории, поистине бесценны, потому что в них — переживание, личная история, калейдоскоп событий.

Помню, на одной из встреч со студентами Яков Алексеевич на вопрос о гражданской войне обмолвился: «Я видел солдат армии Деникина и первые танки, которые были похожи на какие-то чудовища, они ехали сами собой, без лошадей. Мне было два года, я устроился на подоконнике, встал на коленки и смотрел в окно, уткнувшись носом в стекло. Про танки мне брат объяснил». В другой раз его спросили, когда он последний раз был на родине — в Донецке. Яков Алексеевич задумался, что-то посчитал в уме и уверенно ответил — в 1944 году, а затем начал описывать, во время какой военной операции Великой отечественной войны это произошло.

Однажды в беседе с коллегами Ломко рассказал, как гостил вместе с Александром Бовиным у Фиделя Кастро высоко в горах Сьерра-Маэстра, где незадолго до того происходили основные сражения повстанцев с кубинскими правительственными войсками. Советские журналисты не только взяли интервью, но и впервые попробовали виски. Один из преподавателей, исследователь индийских медиа, заметил, что виски — не типичный напиток для Кубы, как и для Индии. Яков Алексеевич тут же переключился на сотрудничество с индийской прессой (в свое время он был утвержден главным редактором журнала «Страна Советов» в Дели, разработал модель издания, тематический план публикаций и даже штатное расписание), потом рассказал о нескольких встречах с Индирой Ганди, в бытность ее министром информации и радиовещания, и потом, когда она была во главе страны. Вспомнил и о том, как еще в 1955 году наблюдал из окна своего кабинета в Совинформбюро стихийное скопление людей, радостно приветствовавших в Москве на улице Горького премьер-министра Индии Джавахарлала Неру и его дочь Индиру.

Интересный факт: Яков Ломко старше Индиры Ганди на 6 дней. Оба родились в ноябре 1917 года. Вообще в биографии еще и то, что труд для них важнее почестей. Индира Ганди часто вспоминала: «Дед говорил мне, что люди делятся на тех, кто работает, и тех, кто ставит себе в заслугу результаты этой работы. Он советовал попасть в первую группу, в ней конкуренция меньше».

Ярких воспоминаний у Якова Алексеевича множество: когда он общается со студентами, любое историческое событие, связанное с политикой, пропагандой, прессой, телевидением или радио, тут же вписывается им в контекст собственной биографии. В этом неординарность Ломко как лектора, оратора. Вот как по этому поводу писал Полани, защищая теорию личностного знания: «Мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице» [4. С. 23].

Карьера оратора: как это начиналось. Первую выездную лекцию двенадцатилетний Яков прочел перед рабочими ремонтных мастерских машиностроительного завода в городе Сталино (прежде Юзовка, затем Донецк). Идея представить юного оратора необычной публике пришла в голову школьной вожатой Даше Берман, которая заметила, что Якову нравится декламировать стихи, он постоянно соревновался с одноклассником Лево́й Кантором — кто лучше прочтет Маяковского. Якову особенно удавалось, как сейчас говорится, «держаться зал». Больше всего ему самому запомнилось одно из первых публичных выступлений в школе со стихотворением Веры Инбер «Пять ночей, пять дней (На смерть Ленина)».

Итак, накануне Рождества 1929 года, в 6 часов утра пионер Яков Ломко убеждал рабочих во время тридцатиминутной пересменки в том, что не нужно отмечать религиозные праздники. Задача была разоблачить и заклеить именно Рождество, агитационный текст на полторы страницы Яков выучил и почти в него не заглядывал. Может, именно тогда он впервые почувствовал тот необыкновенный подъем, воодушевление, страсть, которые будут сопутствовать его выступлениям на протяжении всей последующей жизни. Рабочие, среди которых было немало религиозных немцев-колонистов, улыбались и аплодировали. Единственный вопрос был таким: «А почему ты думаешь, что Рождества нет?». Пионервожатая заволновалась, но Яков ничуть не растерялся: «Не обнаружено никаких документальных доказательств того, что Бог был, следовательно, нет причин думать, что он когда-то родился. Не надо надеяться на высшие силы. Мы строим новое общество, где все будут равны». Это был успех!

Говорить на публику Якова научила мама — Александра Петровна Карпова. В семье было пятеро детей, они с удовольствием участвовали в домашних спектаклях (Яков Алексеевич до сих пор помнит свою первую роль — гоголевский Вий). После голодных 1921—1922 годов мальчик рос щуплым, но шустрым, энергичным, легко мог подраться, себя в обиду не давал. В школу пошел сразу во второй класс. Голос у него был выразительным и звучным. Интересно, что в окружении Якова говорили в основном на русском языке, а пели исключительно на украинском. Научился читать и писать в 4 года благодаря студентке педтехникума гречанке Соне, дальней родственнице, которая жила в доме Ломко — снимала, как тогда говорили, угол с питанием.

Яков Алексеевич рассказывал, как попросился еще до школы в пионеры (тогда они назывались спартаки, потому что детская коммунистическая организация, реорганизованная из скаутской, носила до 1924 года имя Спартак). К соседке Розалии Львовне, учительнице, часто приходили бойкие школьники в одинаковых синих рейтузах и белых рубашках, Якову захотелось быть среди них — форма понравилась.

В третьем классе забрал у старшего брата Федора, ученика престижной гимназии, брошюру в зеленой обложке, которую прочел несколько раз и запомнил навсегда — «Ораторское мастерство» Г. Зиновьева. Получается, что большевик Зиновьев стал для Ломко первым учителем по риторике.

В 2017 году мы вместе с Яковом Алексеевичем прочтем воспоминания Луначарского о Зиновьеве: «Он зажигался во время речи и говорил с большим нервным подъемом.

У него оказался огромный голос тенорового тембра, чрезвычайно звонкий. Уже тогда для меня было ясно, что этот голос может доминировать над тысячами слушателей. К таким замечательным внешним данным уже тогда явным образом присоединялась легкость и плавность речи, которые, как я знаю, вытекают из известной находчивости и замечательной логики, проистекающие от умения обнимать свою речь в целом и из-за частности не упускать основной линии» [3]. Словно о Ломко сказано!

В 1934 году председатель ученического исполнительного комитета Яков Ломко заклеит убийц Сергея Кирова на общегородском митинге молодежи, на площади у школы. Блестящая речь, произнесенная с балкона, вызовет бурную реакцию слушателей. По иронии судьбы, Г. Зиновьева через некоторое время арестуют, объявят врагом народа, признают одним из руководителей «Антисоветского троцкистско-зиновьевского центра», организовавшего убийство Кирова, и расстреляют (реабилитирован в 1988 году).

Еще через несколько лет городской Комитет безбожников позовет Якова Алексеевича читать лекции, но он откажется — антирелигиозная проблематика перестала интересовать. Ломко начнет сотрудничать с другой просветительской организацией — Лекторским бюро Сталинской области. Во время студенческих каникул Ломко успешно выступал с лекциями перед школьниками Донбасса. Тематических направлений было два: «Тайны голубых просторов» (научно-популярная беседа о стратосфере) и «Владимир Маяковский — великий патриот нашей родины» (лекция-концерт с чтением стихов).

После окончания в 1940 году физико-математического факультета Ленинградского государственного университета Яков в возрасте 23 лет был призван в армию. Политработники сразу заметили речистого Ломко, у которого в придачу к красному диплому и ораторскому таланту была прекрасная осведомленность в истории КПСС. Предложили сначала прочесть лекцию красноармейцам, потом младшим политрукам и замполитам. Во время Великой Отечественной войны у Якова Алексеевича была редкая военная специальность синоптика, без которой невозможны точные авиационные действия. Одновременно Ломко был секретарем партбюро, где не обойтись без умения убеждать и объяснять. Не удивительно, что после окончания войны Ломко был направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР.

Журналистика и PR: спросить у Ломко. Февраль 1942 года стал для Якова Ломко точкой отсчета профессиональной журналисткой работы: в период формирования Первой дивизии авиации дальнего действия его, начальника синоптической службы, назначили инструктором-литератором дивизионной газеты «За боевую тревогу». Правда, была в его прежней, школьной жизни и другая газета — «Пионер Донбасса», но в ту пору он и не помышлял о журналистике, хотел стать летчиком или, в крайнем случае, инженером.

Когда много лет спустя на съемках телепередачи «В гостях у ветерана» корреспондент спросит у Ломко, какое дело для него главное в жизни, он назовет не журналистику, а пропаганду. От латинского “propagare” — распространять. Ломко убежден: пропаганда — корневое понятие, из которого вышли и журналисти-

ка, и так называемые «связи с общественностью». Яков Алексеевич снисходительно улыбается, когда слышит, как молодые преподавательницы, ссылаясь исключительно на зарубежный опыт, учат студентов создавать PR-мероприятия. Ломко, во время работы в Совинформбюро СССР, сначала в качестве начальника отдела стран Восточной Европы, а потом заместителя председателя, не только редактировал материалы и направлял информационные потоки — он организовывал и проводил брифинги, пресс-конференции, презентации, симпозиумы, приемы. Со своей главной задачей — формированием положительного имиджа страны на международной арене — информационно-пропагандистское ведомство успешно справлялось: в 1950-е годы повсюду в мире были популярны идеи социализма, носителем которых выступал Советский Союз.

На первой после войны Всемирной выставке в Брюсселе ЭКСПО-58 едва не случился конфуз: задуманная концепция презентации достижений СССР и намеченные выставочные решения оказались примитивными, ситуацию надо было срочно спасать. Именно Яков Ломко сыграл роль, как сказали бы сейчас, кризис-менеджера. 13 мая 1957 года позвонил секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов: «Приезжайте на беседу!». Намеченная командировка в Индию была отменена, Ломко назначили заместителем Генерального комиссара СССР на грядущей выставке и попросили в кратчайшие сроки разработать новый план пропаганды. За три недели был составлен и утвержден документ на 700 страниц. Главным экспонатом должна была стать, по замыслу Ломко, копия первого в мире советского искусственного спутника. Позднее Яков Алексеевич вспоминал: «Была продумана каждая мелочь — где и какой лозунг повесить, где организовать выступление, что сказать оратору и прочее. Одна существенная деталь: только одну лишь агитационную литературу привезли в 136 товарных вагонах. Некоторые издания выпускались тиражом в 5 миллионов экземпляров» [2]. Перед открытием выставки Яков Алексеевич провел пресс-конференцию для 500 журналистов. А что же в итоге? Бельгийская пресса окрестила советский павильон Парфеноном, признав экспозицию СССР «Мир и труд» лучшей, число ее посетителей достигло 30 миллионов. За организацию выставки Яков Алексеевич получил награду Королевства Бельгии — орден командора «Леопольд II».

А потом были выставки в Нью-Йорке и Монреале, руководство пресс-центрами пяти международных конгрессов и многое другое, что входит в понятие *пропагандистская деятельность*. Пополнение багажа личностного знания, где «в каждом акте познания — страстный вклад познающей личности» [4. С. 19].

В 1960 году Ломко назначен главным редактором «MoscowNews». Газета, предназначенная зарубежному читателю, была тогда далека от интересов целевой аудитории: в ней, очевидно советской и пропагандистской, печатались длинные речи Хрущева, заявления Советского правительства, материалы Пленумов ЦК, речи руководителей партии и государства, партийные отчеты. Яков Алексеевич решил реформировать издание, сделать газету без идеологии для искренних сторонников СССР. Он сразу нашел понимание и поддержку у инструктора отдела пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева (будущего идеолога перестройки), который официально курировал «MoscowNews». Новый редактор изменил логотип, формат, макет

и содержание издания. Была создана принципиально новая для СССР рыночная редакционно-издательская модель печатного СМИ.

Еженедельник “MoscowNews” вскоре стал выходить на 11 языках, он не только перешел на самоокупаемость, но и стал прибыльным, распространялся в 124 странах, общий тираж достиг миллиона экземпляров. Сыграли свою роль концептуальные новшества, инициированные Ломко: появление приложений к основному тиражу газеты, регулярный выход внутренних полос для изучающих языки, четкость и своевременность в доставке газеты читателям, конкурсы и викторины, новый подход к иллюстрациям (использование крупных жанровых фотографий и комиксов), расширение внештатного актива авторов в различных странах, открытость редакционной политики. «Письма отовсюду. Спросить у Ломко» — так называлась постоянная редакторская рубрика. Стиль общения Якова Алексеевича с читателями можно описать словами Майкла Полани: «Я могу говорить о фактах, знании, доказательстве, реальности и т. Д. лишь в контексте моей ситуативной вовлеченности, ибо последняя как раз и складывается из моего поиска фактов, знания, доказательства, реальности...» [4. С. 302].

В газете была «Литературная станица», где размещались отрывки из художественных произведений. Яков Алексеевич настоял на публикации в “MoscowNews” повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

В номерах от 4 февраля и 11 марта 1961 года на развороте 8—9 полос были опубликованы репортажи с фотографиями об Университете дружбы народов, который открылся в Москве.

Пройдет почти тридцать лет, и в этом университете Яков Алексеевич начнет учить иностранных студентов журналистскому мастерству. А через 45 лет Татьяна Косарева защитит в РУДН кандидатскую диссертацию по журналистике на тему «Газета “MoscowNews” (1930—1980 гг.): редакционно-издательская модель», где докажет уникальность этой несоветской рыночной газеты периода Ломко.

Неслучайные встречи: Бертран Рассел. Яков Алексеевич познакомился с Бертраном Расселом в 1962 году, накануне Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Советский комитет защиты мира, инициатор Конгресса, пригласил Рассела выступить в Москве перед делегатами, числом около двух с половиной тысяч. Один из самых влиятельных борцов за мир, к которому прислушивались мировые лидеры, автор манифеста против ядерной войны, лидер пагуошского движения ученых-антимилитаристов должен был стать спикером форума. Однако врачи, опасаясь за здоровье девяностолетнего нобелевского лауреата, отговорили его от перелета в Москву. И тогда к Расселу отправились журналисты Юрий Жуков, Владимир Котов и руководитель пресс-центра Конгресса Яков Ломко. Они приехали в Северный Уэллс из Лондона, где участвовали во встрече британских и польских коллег.

Яков Алексеевич очень хорошо запомнил тот день. Английский лорд в халате и домашних туфлях встретил советских журналистов на пороге своего коттеджа Плас Пенрин, радушно пригласил в дом, в гостиную, где уже был накрыт стол с главным блюдом — знаменитым Apple Pie, яблочным пирогом с корицей, который испекла Эдит Финч, жена Рассела и спутница во всех общественно-полити-

ческих инициативах. В ногах вертелась собачка, Яков Алексеевич оступился и слегка задел ее, за что получил выговор от экспрессивной Эдит, которая быстро оттаяла, едва пришло время фотосессии и Яков Алексеевич сделал снимки сугробов с собачкой.

Вопреки опасениям и стереотипам, потомственный британский аристократ Бертран Артур Уильям Рассел оказался разговорчивым и остроумным собеседником, он не обходил острых углов в беседе, заразительно смеялся, а когда узнал, что Ломко по первой специальности физик, обрадовался и с одобрением стал говорить о естественнонаучных дисциплинах. После обсуждения особенностей политической ситуации в мире, он продиктовал свое обращение к участникам московского конгресса и предложил осмотреть сад. Дверь оказалась необычной — нижняя часть была наглухо перекрыта, чтобы собачка не убежала, мужчинам пришлось преодолеть достаточно высокое препятствие. Яков Алексеевич, такой же поджарый и спортивный как хозяин дома, легко справился, а вот грузный Жуков замешкался. Дословный комментарий Рассела стерся из памяти, но смысл был в том, что подобная ежедневная гимнастика чрезвычайно полезна журналистам и общественным деятелям, при этом Рассел весело подмигнул Ломко. В том же году на праздновании своего юбилея Рассел с юмором заметит: «Наилучший способ дожить до девяноста лет — это неустанно бороться против ядерной войны».

В 1970 году Бертран Артур Уильям Рассел умрет от гриппа на 98 году жизни. В том же возрасте сорок четыре года спустя в Москве гриппом заразится Яков Алексеевич Ломко, грипп даст осложнение, но профессор справится с тяжелым воспалением легких...

После возвращения в Москву Яков Алексеевич отдал фотографии скульптору: было решено срочно изготовить бюст Рассела и установить его на сцене Кремлевского дворца съездов на весь период работы Конгресса. Ломко несколько раз навещал художественные мастерские у метро «Динамо», проверял, насколько похоже получается. В итоге идея была воплощена в реальность.

Обращение Рассела было прочитано на Конгрессе, а фотографии, сделанные Яковом Алексеевичем в уэльском местечке Пенриндайдрайт, потом часто использовались в советских журналах.

Дружба народов: продолжение следует. В 1980 году начался новый этап в жизни Ломко: Яков Алексеевич, кандидат исторических наук, приступил к работе в Союзе журналистов СССР. Ломко удалось укрепить связи с факультетами журналистики вузов, провести накануне Московской олимпиады Всесоюзную выставку фотографий. Он смог объединить московских журналистов в региональную организацию, организовал творческий пленум «Задачи советской публицистики», по итогам которого в 1981 году была выпущена книга «Горизонты советской публицистики: Опыт и проблемы» [1] — на нее до сих пор ссылаются специалисты по истории журналистики. В истории отечественной журналистики начало 1980-х считается временем «приручения прессы». На вопрос о том, ощущал ли он пресловутый партийный контроль, Яков Алексеевич отвечает так: «Нет. Просто работал так, как считал правильным».

Когда-то Ломко отказался ради практики от лестного приглашения: профессор С. Никитин звал его, специалиста по Польше, на работу в Институт балканисти-

ки и славяноведения. Но теперь ситуация изменилась: пришло время науки и педагогики. Ломко активно сотрудничает с МГИМО МИД, Военным университетом Министерства обороны, руководит научными исследованиями видных общественных деятелей, политиков, дипломатов, он редактирует, оппонирует, пишет научные статьи.

Однако полностью раскрылся его педагогический талант в Университете дружбы народов (тогда он еще носил имя Патриса Лумумбы). Яков Алексеевич сразу поразил коллег и студентов великолепным знанием иностранных языков: во время лекций Ломко легко переходил от русского к английскому, цитировал Мицкевича на польском, вставлял в речь слова и выражения из других языков, при этом демонстрировал абсолютное знание событий в истории и политике различных государств и народов. Заметим, тогда ему уже было за 70. Студенты-иностранцы боготворили и боготворят профессора, к нему записываются на консультации, под его руководством хотят писать дипломные работы десятки студентов. Выпускники из Монголии, Марокко, Сирии, Албании, Конго, Иордании, Бразилии и многих других стран считают Ломко главным своим учителем. Один из них — Зенебе Кинфу Тафессе из Эфиопии — защитил диссертацию, работает на кафедре массовых коммуникаций и является неизменным ассистентом профессора. Сейчас профессор Ломко — главный консультант аспирантки Аяны Сергеевой, которая изучает опыт СССР в пропаганде советского образа жизни в период 1950—1960-х годов. Он также руководит культурологическими исследованиями студентки из Латвии Дарьи Томас.

Яков Алексеевич еще в самом начале 1990-х годов начал проводить на базе историко-филологического факультета Международные конференции по проблемам терроризма и межэтническим конфликтам, он предвидел, что борьба с терроризмом будет главной в грядущем веке. За последние 30 лет Яков Алексеевич организовал тридцать таких конференций, по их итогам выпущены сборники статей. Кстати, конференция в ноябре 2017 года «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» была приурочена к столетию профессора.

Огромна заслуга Ломко в сохранении и передаче студентам памяти о Великой Отечественной войне, его ежегодные лекции-рассказы собирают сотни слушателей.

Запомнился недавний эпизод. Ломко выступает перед выпускниками РУДН, специалистами в сфере массовых коммуникаций и пропаганды. Через несколько минут они получают из рук ректора дипломы, а пока на сцене главного зала университета Яков Алексеевич. Он только что с некоторыми затруднениями, слегка опираясь на трость, занял свое привычное место на кафедре. Но вот он начинает говорить и зал замирает, происходит магия. Он говорит о том, как строить свою жизнь в современном мире, как ответить на вызовы времени, в чем искать опору, — содержание вроде бы предсказуемое, но форма! Страстность, пылкость, азарт оратора передаются залу и напутственное слово превращается в манифест, в котором сконцентрирована необыкновенная натура профессора Ломко. Профессора, чье личностное знание не укладывается в стандарты Министерства образования РФ и неподвластно измерениям. Все по Майклу Полани.

Послесловие. У Якова Алексеевича болит сердце, когда он видит по телевизору репортажи из родного Донецка. Рядом с печально знаменитым аэропортом — местом недавних ожесточенных боев — находится городское кладбище, где похоронены его родители. В том же районе аллея из акаций, которую посадили одноклассники в 1932 году. Сохранилась ли?

Когда-то в школе Ломко записали из-за фамилии в украинцы, сам он считал себя русским, и только много лет спустя он точно узнал свою национальность, вернее — национальность отца (мать-то была потомственной донской казачкой). По отцу Яков Алексеевич Ломко — лемке (другое название — русин), потомок славян, проживавших в горных районах на границе Польши, Украины и Словакии. Разве не перст судьбы в том, что Ломко возглавлял именно отдел стран Восточной Европы в Совинформбюро, и что иностранный язык, который привел его в науку — польский? Этнографы отмечают у лемке дуализм идентификации. У профессора Ломко с этим проблем нет, он натура цельная, действует и живет так, как подсказывает сердце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Горизонты публицистики: опыт и проблемы. М.: Мысль, 1981. 231 с.
- [2] Кошкин С. Ветеран Отечественной и информационной войн. URL: <http://chekist.ru/article/2678> (дата обращения: 12.09.2017).
- [3] Луначарский А. Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa018.htm> (дата обращения: 12.09.2017).
- [4] Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

© Волкова И.И., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 октября 2017

Дата принятия к печати: 28 октября 2017

Для цитирования:

Волкова И.И. О личностном знании преподавателя (к столетию профессора Якова Алексеевича Ломко) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. Т. 22. № 4. С. 640—649. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-640-649

Сведения об авторе:

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: irma-irma@list.ru

ABOUT THE PERSONAL KNOWLEDGE OF THE TEACHER (TO THE CENTURY OF PROFESSOR YAKOV ALEKSEEVICH LOMKO)

I.I. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to Yakov Alekseevich Lomko, Professor of the Department of Mass Communications of the Peoples' Friendship University of Russia, an outstanding teacher and public figure, journalist, head of editorial teams, veteran of the war, a person of the same age as the October Revolution. It is an attempt to write about an extraordinary person in the context of the theory of personal knowledge. The author uses methods of flashback and in-depth interviews.

Key words: Yakov Lomko, propaganda, «Moscow News», Sovinformbureau, EXPO-58, RUDN University, international journalism, teaching at the university

REFERENCES

- [1] Gorizonty publitsistiki [Horizons of Journalism: Experience and Problems]. Moscow: Mysl, 1981. 231 p.
- [2] Koshkin S. Veteran otechestvennoi i informatsionnoi fvoyn [Veteran of the Patriotic and Information Wars]. URL: <http://chekist.ru/article/2678> (accessed: 12.09.2017).
- [3] Lunacharsky A. Grigory Evseyevich Zinoviev (Radomyslsky). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa018.htm> (accessed: 12.09.2017).
- [4] Polanyi M. Lichnostnoye znaniye [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow: Progress, 1985. 344 p.

Article history:

Received: 2 October 2017

Revised: 22 October 2017

Accepted: 28 October 2017

For citation:

Volkova I.I. (2017). About the personal knowledge of the teacher (to the century of professor Yakov Alekseevich Lomko). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (4), 640–649. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-640-649

Bio Note:

Volkova Irina Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Assistant professor of the Department of mass communications, Faculty of philology, RUDN University. *Contacts:* e-mail: irma-irma@list.ru